

DOI: 10.31857/S032103910025514-8

A.O. BOULTON. Democracy and Empire: The Athenian Invasion of Sicily, 415–413 BCE. Lanham: Hamilton Books, 2021. XIV + 161 p. ISBN: 978-0-761-87297-9

Рецензируемая книга Александра Бултона «Демократия и империя: афинское вторжение на Сицилию, 415–413 г. до н.э.» не является, как уже во введении оговаривает автор, монографическим исследованием, а имеет популярный характер и адресована широкой аудитории. Однако, по нашему глубокому убеждению, такие издания имеют право на существование и заслуживают рассмотрения и оценки. Это также дает повод высказать некоторые соображения о том, какими чертами должна обладать качественная научно-популярная историческая литература, тем более что рецензент сам имеет определенный опыт в работе над таковой.

В том, что она нужна, сомнений у нас не возникает. Историк-антиковед не должен замыкаться в «башню из слоновой кости», посвящать свою деятельность исключительно анализу частных проблем, каким бы филигранным этот анализ ни был. Сказанное ни в коей мере не следует понимать в том смысле, что мы отрицаем необходимость идиографических изысканий, что было бы и странно: они составляют очень важную часть работы ученого, которая, однако, не должна становиться единственной.

Популяризация нашей науки и выполняет образовательную миссию, и служит важной задаче — связывать античность, такую далекую и чужую в глазах общества, с современностью, делать ее релевантной в плане волнующих нынешних людей вопросов. Стремиться к этой релевантности из года в год настойчиво призывал, в частности, такой видный специалист, как Дж. Обер¹. По мнению некоторых коллег, больше ориентированных на академическую среду², он в данном плане даже несколько «перегибал палку».

Античность всегда будет интересна широкому кругу читателей и востребована ими. Периодически этот интерес к ней обостряется по различным причинам. Так, П. Бриан отмечал³, что выход в 2004 г. нашумевшего фильма Оливера Стоуна «Александр Великий» дал толчок значительному количественному росту литературы о главном герое (литературы, что характерно, не только популярной, но даже и специальной⁴). По поговорке «свято место пусто не бывает» нередко популяризацией антиковедения занимаются дилетанты (журналисты, писатели и т.п.), продукция которых, как правило, не отличается сколь-либо серьезными достоинствами. Разумеется, заведомо предпочтительнее, когда за подобный труд берется специалист, ученый, но такое случается несравненно реже: и времени нет, и не у всех коллег имеется соответствующий дар.

Возможен и промежуточный вариант, когда популярная работа по какому-нибудь сюжету, взятому из античности, принадлежит историку, но не являющемуся непосредственно антиковедом. Например, Перес Загорин, видный американский исследователь истории Европы раннего Нового времени, на склоне лет опубликовал достаточно удачное введение к «Истории» Фукидида

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00024 «Две демократии: антидемократические перевороты в Афинах в конце V в. до н.э. и их значение для эволюции афинского государственного устройства и политических практик».

¹ Например, Ober 1989; 2009.

² Например, Rhodes 2003, 60–61, 72–76.

³ Briant 2009, 77.

⁴ Впрочем, нельзя не оговорить, что во многих странах Запада грань между этими двумя категориями достаточно условна. Так, в англосаксонской традиции книги, в том числе и монографии, в принципе принято писать более легким и доступным слогом, нежели статьи.

для широкого круга читателей⁵. То издание, которое мы здесь рассматриваем, относится к той же категории. А. Бултон — отставной профессор Университета Стивенсона (штат Мериленд), занимавшийся в основном проблемами культурной истории США. Несомненно, он обратился к Пелопоннесской войне, ориентируясь именно на прецедент Загорина. Это явствует хотя бы из того, что, перечисляя в пространной сноске (с. 4, прим. 4) важнейшие работы по избранной им теме, он на первое место ставит книгу Загорина, и только потом идут труды Д. Кэгена, написавшего об этом вооруженном конфликте, наверное, больше, чем кто-либо, и других авторов.

Бултон и не скрывает, что ему, собственно, тоже интересен прежде всего Фукидид, сочинение которого, по его мнению, проливает свет на взгляды «отцов-основателей» США, на идеи относительно демократии, национальной идентичности и т.п. (с. 161). Видимо, таким образом он оправдывает свой переход от американской истории к древнегреческой. Сам Фукидид характеризуется им как сугубо объективный ученый-рационалист (с. 2–3). Нужно отметить, что этот расхожий взгляд на Фукидида как этакого позитивиста, «античного Ранке» (примерно таким его видел, скажем, еще Уэстлейк⁶), уже утратил популярность, его подвергали принципиальной критике⁷, и ныне автора трактата о Пелопоннесской войне чаще характеризуют как политического мыслителя⁸.

При этом Бултон склонен возлагать на самого Фукидида часть вины за то, что такая захватывающая перипетия, как Сицилийская экспедиция, ныне мало кому хорошо известна (кроме узких специалистов), равно как и Пелопоннесская война в целом. Его «Историю» не читают, дескать, потому, что она «во многих местах представляет собой сухой и скучный каталог мест и событий» (с. 3). Подобное суждение о Фукидиде, замечательном мастере слова, выглядит глубоко несправедливым. Автор рецензируемой книги очевидным образом неудачно подобрал здесь выражения. Стиль Фукидида⁹, безусловно, труден, даже очень труден, но уж точно не скучен; сложность восприятия его текста обусловливается отнюдь не мнимой «сухостью», а иным — концентрированной напряженностью, суровой драматичной риторикой.

Итак, Бултон задался целью просто «адаптировать» Фукидида? Не вполне. Хотя не можем не отметить, что изложение событий он дает всецело на материале этого писателя. Другой имеющийся в нашем распоряжении крупный нарратив о Пелопоннесской войне — соответствующие части «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского — даже не привлекается в рассказе о ходе этой войны. В принципе это распространенная практика. Традиционно считается, что для того отрезка войны, который описал Фукидид (до 411 г. до н.э.), Диодор практически бесполезен¹⁰. В целом эта пессимистическая позиция, пожалуй, не лишена оснований, но из всякого правила есть исключения. Не будем забывать о том, что главный предмет книги — экспедиция на Сицилию, а Диодор был уроженцем этого острова и обильно использовал труды представителей тамошней локальной историографической школы, одной из лучших в греческом мире. Многие его данные о сицилийских делах восходят в конечном счете к Филисту¹¹. А Филист (между прочим, находившийся в Сиракузах во время афинской осады) всегда характеризовался и характеризуется как историк первоклассный, «сицилийский Фукидид». Так что когда речь заходит о Сицилии, Диодор, может быть, и не заслуживает такого пренебрежения, с каким к нему обычно относятся.

Во введении Бултон пишет: «При написании этой книги моей изначальной целью было описать только сицилийскую кампанию, которую я считаю важнейшим поворотным пунктом в войне между Афинами и Спартой... Однако по мере того как я писал и пересматривал работу, становилось ясно, что рассказать об этом нельзя, если не рассмотреть также сложные отношения между афинской демократией и Афинской империей¹²» (с. 3). Книга действительно по содержанию значительно шире, во всяком случае, своего подзаголовка.

⁵ Zagorin 2005.

⁶ Westlake 1989 (книга составлена из статей разных лет).

⁷ Например, Finley 1985, 47–66; Tucker 2016.

⁸ Например, Papp 1972 (один из первых примеров); Farrar 1988, 126–191; Ober 2006.

⁹ Стиль Фукидида в последние десятилетия исследовался достаточно интенсивно. Назовем лишь несколько важных работ: Connor 1985; Orwin 1994; Dewald 2005; Rengakos 2006; Greenwood 2015; Joho 2017; Rawlings 2017.

¹⁰ Buck 1994, XV–XVI.

¹¹ Frolov 2001, 303.

¹² В отличие от отечественной историографии, в которой выражения «Афинская империя» обычно избегают, пользуясь формулировками «Афинская архэ», «Афинская морская держава»

Ее основная часть состоит из четырех глав. В первой (с. 5–30) развертывается, так сказать, экспозиция: речь идет о Спарте и более подробно — об Афинах, их истории от реформ Солона до начала Пелопоннесской войны. Темой второй (с. 31–67) является ход войны до 415 г. до н.э. Третья глава посвящена собственно Сицилийской экспедиции; она самая большая в книге, составляет чуть ли не половину ее (с. 69–133). Наконец, последняя глава, довольно краткая (с. 135–150), доводится изложением до конца Пелопоннесской войны, а затем в ней делается ряд обобщающих наблюдений, на которых мы бы и хотели сосредоточиться в рецензии, ибо вряд ли имеет смысл пересказывать содержание книги, которое представляет собой просто изложение событийного ряда, выполненное в основном корректно. Впрочем, встречаются и фактические ошибки, порой даже грубые; но о них уместнее будет поговорить отдельно, ближе к концу рецензии.

Книга построена таким образом, что ее, если можно так выразиться, идейные основы вполне ясны, они прямо сформулированы автором. С его стороны налицо стремление связать античность с современностью, древнегреческую историю — с американской. Порой «связки» выглядят достаточно искусственными и надуманными. Например: «...мы видим параллели между нашей сегодняшней ситуацией и крахом Афинской империи или закатом и упадком Римской империи 1000 лет спустя» (с. 2); в чем заключаются эти параллели — не разъяснено. В другом месте такое разъяснение дается, но его нельзя не назвать весьма сомнительным: «Один из способов начать размышлять об античной греческой истории — сравнение ее с историей США. Обе истории начинаются с революции. История США начинается с американской революции 1775–1783 гг. История античной Греции — в нашем контексте — начинается с восстания греческих государств против Персии, которое привело к персидским войнам 490 и 480 г. до н.э. В обоих случаях восстали маленькие, культурно отсталые государства на периферии великой империи, и в ходе воследовавшей войны они объединились и создали свою собственную уникальную идентичность» (с. 5). Не то чтобы в этом суждении решительно *всё* было неверно, но, наверное, совсем без упрощений в популярной литературе не обойтись; однако здесь перед нами упрощение такого рода, что оно уже напоминает инсинуацию, способную вызвать только улыбку (в частности, архаический период, решающий для формирования античной цивилизации, здесь совсем вычеркнут из ее истории).

С другой стороны, вполне верно (хотя, разумеется, отнюдь не оригинально) указание Бултона (с. 2) на то, что «отцы-основатели» США резко критически относились к афинской демократии, считая ее чрезмерно радикальной, причем одним из главных доказательств порочности этой системы были для них как раз неудачи Афин в Пелопоннесской войне и, в частности, провал на Сицилии. Эта их позиция, приведшая к тому, что при конституировании нового государства за основу была принята не афинская, а римская модель (даже с рецепцией таких понятий, как «сенат», «Капитолий» и т.п.), давно отмечалась в литературе¹³. В начале работы обозначив данную проблему, в заключительной части автор предлагает свой взгляд на нее, и мы к этому еще вернемся.

В тех местах, где Бултон от изложения материала обращается к его теоретическому осмыслению, особенно часто появляются рассуждения о так называемом «афинском тезисе». Это выражение принадлежит выдающемуся политическому мыслителю XX в. Лео Штраусу¹⁴, глубоко и тонко знавшему античность. Суть «афинского тезиса» определяется в рецензируемой книге как «идеи о том, что фундаментальными мотивациями для людей являются страх вместе с честью и выгодой и что слабый должен подчиняться сильному» (с. 34). В «Истории» Фукидида концепт, о котором идет речь, обрисовывается неоднократно: в наиболее развернутой форме, само собой, в «Мелосском диалоге» (Thuc. V. 85–113), но также в речи афинских послов в Спарте (I. 73–78), в речи Клеона перед афинянами (III. 37–40), в речи Алкивиада перед ними же (VI. 16–18), в речи афинянина Евфема в Сиракузах (VI. 82–87). Это — пассажи, перечисляемые самим Бултоном, а мы бы добавили к ним, пожалуй, еще и последнюю речь Перикла (II. 60–64), в которой откровенно говорится: «Ваше владычество подобно тирании» — мотив, позже эхом откликающийся в речи Клеона.

«Афинский тезис», отмечает автор, всегда, вплоть до нашего времени (тут появляется даже имя Д. Трампа), пользовался популярностью в среде политиков и политических теоретиков,

и т.п., в западном антиковедении оно воспринимается как что-то само собой разумеющееся (хотя см. критику подобной практики в Morris 2009).

¹³ См. хотя бы Roberts 1993. Констатировалось (Cartledge 2009, 166), что и в целом американским просветителям XVIII в. Рим был милее, чем Греция.

¹⁴ Strauss 1964, 183.

склонных к Realpolitik. «Они видят в “афинском тезисе” всеобщий закон международных отношений. Согласно железным законам, направляющим отношения между государствами, вопросы политической идеологии и гуманизма не играют рациональной роли при определении действий государств. Могущество может быть или использовано, или утрачено... Но верил ли сам Фукидид в “афинский тезис”? Вероятно, нет» (с. 144).

По мнению Бултона, Фукидид в своем нарративе имплицитно отвергает идеи, составляющие пресловутый тезис. Он «последовательно хвалит людей, которые предпочитали умеренность в действиях и избегали ненужного конфликта или агрессии» (с. 145). Среди таких людей — Перикл, Никий¹⁵, Диодот (оппонент Клеона в «митиленских дебатах» в III книге¹⁶). Фукидид, похоже, симпатизирует мелосцам, подвергшимся бесчеловечной расправе со стороны афинян. С последним высказыванием, кстати, крайне трудно согласиться. В. Виль в специальном монографическом исследовании о мелосском инциденте¹⁷ вполне убедительно продемонстрировал, что историк не проявляет никакого сочувствия к жителям Мелоса, дерзнувшему сопротивляться заведомо превосходящей силе. О том, как с ними поступили, он говорит (Thus. V. 116) кратко, сухо и бесстрастно (что особенно заметно по контрасту с его же эмоциональным, прочувствованным рассказом о резне, учиненной в беотийском городке Микалессе отрядом наемников-фракийцев: VII. 29–30). В другой книге¹⁸ тот же Виль показал, что Перикл отнюдь не был таким «голубем»-миротворцем, каким его нередко рисуют в панегирических биографиях¹⁹: сама Пелопоннесская война была, в общем-то, во многом его рук делом.

Итак, логика автора рецензируемой здесь работы такова: «афинский тезис», утверждающий право сильного, привел армию афинян на Сицилию, где она нашла трагический конец, который предопределил и дальнейшую гибель могущества Афин. Сицилийская экспедиция оказалась, следовательно, «великим испытанием» (с. 145) «афинского тезиса», которое он не прошел, а потому оказался опровергнутым. Подробно рассказывая об этом, Фукидид тем самым и свидетельствует против «афинского тезиса». Но на самом-то деле против него свидетельствовал ход событий, а не тот, кто эти события описал.

Бултон, впрочем, готов сделать уступку, признавая, что «единственная идея, ассоциирующаяся с “афинским тезисом”, с которой Фукидид, возможно, соглашался, — это идея о том, что выгода более важна, чем абстрактные соображения права и справедливости» (с. 145). Совершенно верно, но именно эта самая идея является ключевой в рассматриваемом круге представлений, из нее закономерно вытекают все соответствующие импликации²⁰. Коль скоро в политических вопросах этика неуместна, то вполне закономерно оказывается признание права сильного. Как нам представляется, в книге «Демократия и империя» можно наблюдать применительно к Фукидиду ту же тенденцию (нередкую в современной историографии), которая проявляется и в стремлении изобразить Платона или Аристотеля умеренными сторонниками

¹⁵ На самом деле отношение Фукидида к Никию не было таким уж однозначно положительным, оно является предметом дискуссий в науке. См. Кагрук 1994, 38–57 (с анализом предшествующей литературы); Will 2003, 88–100.

¹⁶ О роли Диодота в этом эпизоде см. Debnar 2000. В связи с какими-либо другими событиями афинской истории Диодот неизвестен, так что иногда даже считают, что этот персонаж вымышлен Фукидидом для роли «рупора» определенных идей.

¹⁷ Will 2006.

¹⁸ Will 1995.

¹⁹ Таких как Kagan 1991.

²⁰ В довольно давней, но чрезвычайно важной концептуальной статье А. Пэрри излагается весьма интересную, импонирующую нам интерпретацию понимания сути исторического процесса Фукидидом (Parry 1972). Для последнего история — это путь от дикости и варварства к цивилизации, а цивилизованность достигает высшей кульминации в восхитавших его Перикловых Афинах. Но в то же время для Фукидида едва ли не главное мерило степени развития цивилизации — сила, мощь, в том числе и в военном плане (поэтому историк в начале своего труда, в так называемой «Археологии», показывает, какими слабыми и незначительными на фоне этих Афин были, по его мнению, все предшествовавшие государства). Возрастание же мощи с неизбежностью порождает претензии на первенство; это, в свою очередь, вызывает крупные войны (для Фукидида, опять же, Пелопоннесская война — самая крупная из всех, какие когда-либо были, и он это настойчиво подчеркивает), а война разрушает накопленную мощь, приводит ее носителя к краху. Иными словами, цивилизация губит сама себя. Такова неотвратимая пессимистическая позиция историка.

демократии, а не ее оппонентами. Психологически это понятно: трудно совместить пиетет перед великими с признанием того, что они выказывали крайне «неполиткорректные» взгляды.

Далее, ближе к концу заключительной главы, Бултон, как отмечалось выше, возвращается к негативной оценке афинской демократии «отцами-основателями» США и в целом общественным мнением их времени. Цитируется Дж. Мэдисон: «Демократии всегда являли зрелище беспорядка и раздоров, всегда оказывались несовместимыми с личной безопасностью и правом собственности; в целом их жизнь была настолько же краткой, насколько жестокой была их гибель» (с. 146).

За этим следуют ожидаемые оговорки: что афинская демократия действительно имела ряд существенных недостатков, но заключились они отнюдь не в том, за что этот строй винили в XVIII в., а совсем в ином. «Демократическая система античных Афин... не была демократической по нашим нынешним стандартам» (с. 146). Полноправие распространялось только на граждан мужского пола, но не на женщин, рабов, а также «торговцев и ремесленников, которые являлись иноземцами» (с. 146). Под последними имеются в виду, понятно, метеки; но не можем не заметить, что и в современных государствах, даже в самых наидемократичнейших из них, иммигранты тоже не имеют равных прав с гражданами. А женщины в тех же США получили их относительно недавно по историческим меркам. Именно с позиций принципа историзма нужно подходить к реалиям прошлого. Такие элементарные вещи авторы популярной литературы должны четко осознавать и уметь объяснить читателю.

Далее, конечно, оговаривается и то, что процветание демократических Афин было во многом основано на эксплуатации полисов, входивших в Делосский союз и сделанных бесправными. Общий вывод: в классических Афинах «было не слишком много демократии, а сличком мало» (с. 147). Заходит речь еще и о «большом социальном и экономическом расслоении» в афинском государстве, о том, что «Афины никогда в полной мере не уничтожили власть локальных феодальных (sic) аристократов» (с. 147). А вот это уж точно не соответствует действительности.

Здесь как раз уместно перейти к наличествующим в рецензируемой книге ошибкам. Будем прежде всего отличать ошибки как таковые от упрощений. Без последних, повторим, издания такого рода, видимо, обходиться просто не могут, и к этому следует относиться со снисхождением. Так, говоря об имевшем место вскоре после сицилийской катастрофы (и, естественно, ставшем ее прямым следствием) олигархическом перевороте 411 г. до н.э. («перевороте Четырехсот»), Бултон утверждает, что его совершила группа аристократов (с. 135). В действительности давно уже было подмечено, что среди вождей Четырехсот вообще не было ни одного аристократа²¹. Тут перед нами заключение согласно стандартной (и именно упрощающей) модели «раз аристократ, — значит, олигарх»²². Это в данном случае затемняет суть происшедшего, которая заключалась не в какой-то аристократической реакции (афинская аристократия конца V в. до н.э. отнюдь не представляла собой силы, способной свершить какой бы то ни было переворот), а в том, что безобразным ведением сицилийской кампании радикальная демократия продемонстрировала свою неэффективность²³ и от нее отшатнулись средние слои гражданского коллектива²⁴.

Но оставим это на совести автора, а равным образом и разные мелочи, среди которых, например, характеристика Фукидида как «одного из самых выдающихся афинских полководцев» времен Пелопоннесской войны (с. 1). Понятно, что таковым он совершенно не был и ничем значительным на военном поприще себя не зарекомендовал. Другой пример мелкой неточности (с. 15): после убийства Гармодием и Аристокитоном Гиппарха, брата Гиппия, последний «через несколько месяцев... был изгнан из города» (на самом деле — через несколько лет).

Но гораздо строже следует отнести к ошибкам серьезным и несомненным. Так, что касается того же Фукидида, — Бултон почему-то делает вывод, что Фукидид прекратил писать свой исторический труд в 410 г. до н.э. (коль скоро изложение в нем доведено до этого времени) и даже называет этот «факт» таинственным (с. 138). Характерная aberrация, отождествляю-

²¹ Gomme 1986, 37–39. В массе своей это были богатые представители класса триерархов, ранее выдвинувшиеся как локальные лидеры на уровне демов (Surikov 2021, 196–203).

²² Поэтому Бултон и Кимона ничтоже сумняшеся называет олигархом (с. 20).

²³ Osborne 2003, 257. «До сицилийского бедствия не было и следа “олигархической” оппозиции» (Badian 1995, 81).

²⁴ Taylor 2002.

шая датировку свидетельства с датировкой того, о чем свидетельствуется (как будто речь идет о каком-то летописце, немедленно заносящим каждое событие в свои анналы). Если следовать подобной логике, Геродот отложил перо в 478 г. до н.э., что абсурдно.

Разумеется, историк продолжал работать над сочинением не только после 410 г. до н.э., но и после 404 г. до н.э., когда Пелопоннесская война окончилась. Он, в частности, знает, что конфликт продолжался 27 лет (а такое можно было написать только после его завершения), о чем прямо говорится в так называемом «втором введении» (Thuc. V. 26). Правда, относительно этого пассажа высказывалось предположение²⁵, что его мог добавить Ксенофонт, который издал «Историю» Фукидида, а перед тем скорее всего редактировал ее. Но ведь не только из «второго введения» видно, что Фукидид застал исход войны. Конечно поражение Афин упоминается у него и в других местах (например: II. 65. 12, с ламентациями на тему о том, что, поживи подольше Перикл, дела могли бы сложиться и иначе).

Кстати, о Перикле мы с удивлением прочли в рецензируемой книге (с. 21), что при нем афинским фетам было предоставлено право участвовать в народном собрании, а до него они этого права якобы не имели и даже не владели землей. В действительности феты, будучи гражданами, естественно, владели земельными участками, а к участию в народном собрании они были допущены, как минимум, со времен Солона (Arist. *Ath. pol.* VII. 2).

Но особенно много ошибок находим в связи с различными событиями биографии Алкивиада. И это даже странно, поскольку этот деятель по определению является одним из главных героев любой книги о Сицилийской экспедиции и уж его-то судьбу автору надлежало изучить особенно основательно. Бултон же утверждает, например (с. 93), что вначале Алкивиад оказался в Спарте, а уже потом, «когда афинское народное собрание узнало, что Алкивиад перешел на сторону врага, оно in absentia приговорило его к смерти». На самом деле всё обстояло как раз наоборот: вначале ему вынесли смертный приговор, и уже только за ним последовала измена²⁶. Здесь перед нами не мелочь: оценка самого поступка Алкивиада в двух случаях будет далеко не одинаковой. К тому же судил его, разумеется, дикастерий, а не народное собрание.

Далее, умеренная олигархия Пяти тысяч, учрежденная в 411 г. до н.э., отменила смертный приговор Алкивиаду и избрала его стратегом, но в Афины он тогда не прибыл, а несколько лет воевал на море, одержал ряд громких побед и лишь в 407 г. до н.э. в ореоле триумфатора причалил в Пирейской гавани. А у Бултона выходит (с. 137–138), будто Алкивиад посетил родину сразу после восстановления в правах, был восторженно встречен, увенчан золотым венком (но тогда делать это было еще совершенно не за что!) и только после этого получил пост стратега.

Даже о времени гибели Алкивиада в книге не дается правильного понятия. «Алкивиад не дожид до окончательного поражения Афин» (с. 140). И дожил, и пережил. Он перебрался во владения персидского сатрапа Фарнабаза, а инициатором его убийства выступил Критий — лидер олигархии Тридцати, установившейся уже после окончания Пелопоннесской войны.

Мы не задаемся целью перечислять все фактические ошибки, допущенные Бултоном. Уже из сказанного видно, что их немало (наверное, нужно было дать почитать рукопись антиковеду). И это весьма досадно, потому что компрометирует книгу, которую в целом мы бы никак не назвали безнадежно плохой: она обладает определенными достоинствами, ценными именно в популярной литературе. Среди таковых — живая и занимательная, местами яркая манера изложения; просто-таки с увлечением читаются, например, описания автором сухопутных (с. 60–62, 118–119) и морских (с. 114–117, 121–124) сражений. Приветствовать следует и его стремление через рассказ о событиях далекого прошлого выйти на вопросы общего характера (как о том же «афинском тезисе»), актуальные и поныне.

Литература / References

Badian, E. 1995: *The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC*. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 79–106.

²⁵ Canfora 2006, 14–17.

²⁶ Фукидид не говорит об этом эксплицитно (но не говорит и о противоположном). Правильную последовательность событий узнаем из Плутарха (Plut. *Alc.* 22–23).

- Briant, P. 2009: Alexander the Great. In: G. Boys-Stones, B. Graziosi, P. Vasunia (eds.), *The Oxford Handbook of Hellenic Studies*. Oxford, 77–85.
- Buck, R.J. 1994: *Boiotia and the Boiotian League, 432–371 B.C.* Edmonton.
- Canfora, L. 2006: Biographical Obscurities and Problems of Composition. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 3–31.
- Cartledge, P. 2009: Hellenism in the Enlightenment. In: G. Boys-Stones, B. Graziosi, P. Vasunia (eds.), *The Oxford Handbook of Hellenic Studies*. Oxford, 166–172.
- Connor, W.R. 1985: *Thucydides*. Princeton.
- Debnar, P.A. 2000: Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49). *Rheinisches Museum für Philologie* 143/2, 161–178.
- Dewald, C.J. 2005: *Thucydides' War Narrative. A Structural Study*. Berkeley.
- Farrar, C. 1988: *The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens*. Cambridge.
- Finley, M.I. 1985: *Ancient History: Evidence and Models*. New York.
- Frolov, E.D. 2001: *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast')* [Greece in the Late Classical Period (Society. Personality. Authority)]. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть)*. СПб.
- Gomme, A.W. 1986: *The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C.* Westport.
- Greenwood, E. 2015: On Translating Thucydides. In: C. Lee, N. Morley (eds.), *A Handbook to the Reception of Thucydides*. Oxford, 91–121.
- Joho, T. 2017: Thucydides, Epic, and Tragedy. In: R.K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster (eds.), *The Oxford Handbook of Thucydides*. Oxford, 587–604.
- Kagan, D. 1991: *Pericles of Athens and the Birth of Democracy*. New York.
- Karpyuk, S.G. 1994: [Nikias: Virtue and Politics]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 38–57.
- Карпюк, С.Г. Никий: доблесть и политика. *ВДИ* 3, 38–57.
- Morris, I. 2009: The Greater Athenian State. In: I. Morris, W. Scheidel (eds.), *The Dynamics of Ancient Empires: State Power from Assyria to Byzantium*. Oxford, 99–177.
- Ober, J. 1989: Models and Paradigms in Ancient History. *Ancient History Bulletin* 3, 134–137.
- Ober, J. 2006: Thucydides and the Invention of Political Science. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 131–159.
- Ober, J. 2009: Personal Perspectives: Why I Study Ancient History, and Why I Suppose it Matters. In: A. Erskine (ed.), *A Companion to Ancient History*. Oxford, 1–3.
- Orwin, C. 1994: *The Humanity of Thucydides*. Princeton.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece*, 251–272.
- Parry, A. 1972: Thucydides' Historical Perspective. In: A. Parry (ed.), *Studies in Fifth-Century Thought and Literature*. Cambridge, 47–62.
- Rawlings, H.R. 2017: Writing History Implicitly through Refined Structuring. In: R.K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster (eds.), *The Oxford Handbook of Thucydides*. Oxford, 195–209.
- Rengakos, A. 2006: Thucydides' Narrative: The Epic and Herodotean Heritage. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.), *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 279–300.
- Rhodes, P.J. 2003: *Ancient Democracy and Modern Ideology*. London.
- Roberts, J. 1993: Athenian Democracy Denounced. The Political Rhetoric of America's Founders. In: J. Ober, C.W. Hedrick (eds.), *The Birth of Democracy*. Athens, 164–167.
- Strauss, L. 1964: *The City and Man*. Charlottesville.
- Surikov, I.E. 2021: *Antichnaya Gretsiya: Mekhanizmy politicheskoy zhizni [Ancient Greece: Machinery of Political Life]*. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция: Механизмы политической жизни*. (Opuscula selecta, III). М.
- Taylor, M.C. 2002: Implicating the Demos: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred. *Journal of Hellenic Studies* 122, 91–108.
- Tucker, A. 2016: Historiographic Ancients and Moderns: The Difference between Thucydides and Ranke. In: A. Lianeri (ed.), *Knowing Future Time in and through Greek Historiography*. Berlin–Boston, 361–384.
- Westlake, H.D. 1989: *Studies in Thucydides and Greek History*. Bristol.
- Will, W. 1995: *Perikles*. Reinbek.

-
- Will, W. 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn.
Will, W. 2006: *Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen*. Bonn–Leipzig.
Zagorin, P. 2005: *Thucydides: An Introduction for the Common Reader*. Princeton.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation,
project no. 23-28-00024

И.Е. Суриков,

д. и. н.,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия